

ФРАНЦУЗСКИЕ СКАЗКИ

CONTES DE FÉES FRANÇAIS

Пепельница или французские сказки без прикрас

Жанр произведения: Другое

Произведение написал автор BookBox Виктор Решетнев

Ссылка на публикацию

Пепельница Или французские сказки без прикрас Вот уже третий год, как Николай Петрович учит, а вернее, бьётся с французским языком. Борьба эта протекает с переменным успехом: то язык берёт верх над Петровичем, то Петрович оказывается на лихом коне… но ненадолго. В последнее время инициатива всё же перешла к Петровичу. И виной тому его новый друг, бретонец Ирван, который приезжал недавно к Николаю в гости из самой Франции и прожил у него целую неделю. Ох, и повыпендривался тогда Петрович. Он и к друзьям француза водил, и познакомил его со своей молодой преподавательницей, и даже таскал бретонца к себе на работу. Теперь вот приходится переписываться с ним… по-французски. Попробовал как-то Николай Петрович написать своему новому другу по-русски, на своём родном языке, тем более, что Ирван знает русский почти в совершенстве, он работает преподавателем в школе, но тот ответил ему на своём, на французском, и в очередном письме ещё попенял Петровичу, чтобы тот не ослаблял хватку и изучал язык как следует. Вот сукин сын, а ещё летом говорил, дескать ему всё равно на каком языке Николай будет писать ему письма во Францию. Вот и верь после этого французам… Ну, а если серьёзно, Ирван много сделал для того, чтобы Петрович, не взирая на возраст, приободрился и продолжил своё полезное начинание. Бретонец оказался не жадным парнем и подарил Николаю словарь французско-русского языка за штуку рублей и потом ещё прислал из Франции песенник с пятьюдесятью лучшими песнями на французском языке и ещё сборник неадаптированных сказок. До этого у Петровича был аналогичный под редакцией Ильи Франка – полиглота и преподавателя иностранных языков. Он очень нравился Николаю, и некоторые сказки из этого сборника Петрович выучил почти наизусть (par ceur – пар кёр), например: «Le Chat Botte» (Лё Ша Боттэ) или Кот в Сапогах по-нашему. Он её цитировал Ирвану, когда они вместе ездили летом на рыбалку на реку Судость. Проезжая огромные заливные луга, Петрович, махал руками и, вживаясь в роль, декламировал из вышеупомянутой сказки слова кота: — Эти все поля, – цитировал он, обращаясь при этом к воображаемым крестьянам-жнецам, – принадлежат «Марки дё Кяраба». А, если вы этого не скажете, то будете иметь от меня новости, «дё мэ нувэль». Или по-

нашему: «Вы меня ещё попомните»! Ирван тогда смеялся от души, Николай тоже, и рыбалка у них в тот день удалась на славу. Но вот, принявшись читать неадаптированные сказки, присланные Ирваном из Франции, Николай пришёл в ужас. Оказывается, Кот в Сапогах, главный персонаж одноимённой сказки Шарля Перро, пугал крестьян не какими-то «новостями о себе», а более конкретными вещами, высказывая их красноречиво и прямо без всяких экивоков. Он строго настрого предупредил жнецов, что если те не скажут проезжающему мимо королю, что эти поля принадлежит Маркизу Карабасу, то он их всех поубивает… Так вот почему перепугались бедные крестьяне, а никак не от «новостей», провозглашаемых говорящим котом. Дальше Петрович прочёл сказку «Феи», и был удивлён ещё больше. В ней рассказывалось об одной очень милой женщине, которая любила старшую дочь и не любила младшую, хотя они были её обе родные. Вообще, так бывает, учитывая, что у старшей был такой же скверный характер, как у неё самой, а младшая, наоборот, была покладистой, к тому же красавица… за это ей, по всей видимости, и доставалось. На долю младшей всегда выпадала самая тяжёлая работа: и по дому, и в саду, и во дворе. Ещё её всегда посылали в овраг за водой с огромным кувшином. Но вот однажды эта младшая дочь, придя на родник, увидела там бедно одетую женщину, которая попросила у неё напиться. Девушка для начала сполоснула кувшин (какая молодец), потом нашла в роднике местечко почище (очень большая молодец, – это так говорится в буквальном переводе…), потом зачерпнула воды и только после этого подала бедной женщине напиться. При этом она осторожно поддерживала кувшин, чтобы бедная женщина не облилась водой. Петрович от души порадовался за эту прекрасную девушку, читая неадаптированные строки. Далее, напившись, женщина (а это, конечно же, оказалась фея) провозгласила: — Я даю тебе такой дар, очень ценный и полезный для тебя, который заключается в том, что отныне после каждого произнесённого тобой слова изо рта у тебя будет выходить один цветок, одна жемчужина и один крупный диамант, – бриллиант по-нашему. Заметьте, крупный диамант, а никак не мелкий. Девушка после этих слов долго не могла прийти в себя. Но на всякий случай она поблагодарила бедно одетую женщину и уже потом отправилась домой. Маман её уже поджидала возле калитки. Ни секунды не медля, она набросилась на свою нелюбимую дочь и давай её ругать по чём зря: где, мол, ты была? Почему так долго не возвращалась? Не иначе, как где-то прохлаждалась неизвестно с кем. Девушка начала оправдываться, и тут вдруг из её рта посыпались сначала цветы, а потом жемчуга вперемешку с бриллиантами. Понятно, что мамаша впала в ступор от такой картины (stupefait – стюпэфэ по-ихнему), но надо отдать должное, ненадолго. Быстренько очнувшись, она позвала свою старшую дочь, конечно же, любимую, и уже той велела срочно бежать на родник за драгоценностями. Та немного поупиралась

для приличия, но потом всё же пошла. Как-никак бриллианты – это лучшие друзья девушек. И вот, когда старшая дочь была уже у родника, то там её, вместо бедной женщины, встретила богато одетая. Автор в скобках поясняет, что это была та же самая фея, только переодетая, и теперь уже у этой девушки она попросила напиться. — Вот ещё, – ответила ей старшенькая, – сама напьёшься, не цаца. Я не для того прихватила с собой хрустальную ёмкость для жемчугов и диамантов, чтобы тут кого попало водой поить. — Ах, так, – возмутилась фея, – тогда ты получишь от меня другой дар, не менее ценный. Отныне после каждого твоего слова изо рта у тебя будут выходить одна жаба и одна змея. После этих перипетий, возвратившись домой, не успела старшая дочь и рта раскрыть, чтобы оправдаться, почему она не принесла бриллиантов, как из неё стали выпрыгивать жабы и выползать змеи. Маман в крик от такой картины, побежала за младшей дочерью и давай ту ругать. Дескать, ты во всём виновата, ты сделала так, что старшей не повезло. Младшенькая, надо отдать ей должное, не стала дожидаться, пока её прибьют, быстро развернулась и рванула в лес. Там, само собой, в это время бродил по непроходимым дебрям прекрасный принц. Правда, как он там оказался и что там делал, в сказке не говорилось. Девушка сразу к нему, хотела объяснить прекрасному юноше своё бедственное положение, но принц и слушать не стал. Но как увидел, что изо рта у неё бриллианты посыпались, тотчас забыл обо всём на свете. Знай себе подбирает драгоценности, которые сыплются у красавицы изо рта, и набивает ими свои карманы. И вот, когда он набил карманы под завязку, то тут же влюбился в девушку без памяти. По-французски это звучало так: «Томбэ амурё» (упал влюблённым). После этого он взял её за руку и повёл во дворец знакомить со своим отцом. Король очень обрадовался такой невестке и сразу после того, как бедная девушка сделала их всех богатыми, приказал сыну жениться на ней. В оригинале так и сказано: «Apres que… То есть, после того, как девушка извергла достаточное количество бриллиантов, принц предложил ей руку и сердце…», – и никак не раньше. А в это время старшая дочь, препираясь с мамашей, уже напустила полный дом жаб и змей. Мамаше ничего не оставалось, как выгнать её из дома и запереть за ней дверь. Теперь уже старшая дочь расплакалась и убежала в лес. Там она и умерла. На этом сказка заканчивалась, и какая из неё выходила мораль, Николай Петрович понять не мог. Да и хэппи-энд какой-то странный получался. После этой сказки Петрович начал читать другую, которая была ему знакома с детства. Называлась она поэтично: «Красная Шапочка», но оригинале она звучала немного иначе: «Лё Пти Шапрон Руж» – Маленький Красный Капюшон. Вообще, французский язык – очень странный язык. Мужской род там доминирует почти везде (по крайней мере, раньше доминировал). Во французском сумка (sac) – мужского рода, весна, лето, зима – тоже. По-французски даже любовь, лямур, – это он. Представляете, любовь – и это он…

даже не смешно. Так вот в этой сказке речь шла о том, как послала однажды мама своего Маленького Красного Капюшончика проведать больную бабушку. Петрович сморщился, прочитав эту фразу, и решил всё же дальше называть её привычно, Красной Шапочкой, тем более, что это девочка. Будем и мы так её называть. Шапочкиной маме соседи сказали, что их бабушка болеет и не встаёт с постели уже целую неделю. Мама тут же спохватилась и давай с утра печь пирожки, галеты по-ихнему. Напекла целую кучу и даёт одну Красной Шапочке. Отнеси, говорит, эту галетку (ну, или пирожок) любимой бабушке, которая тебе подарила красный капюшон. Мы-то, читая эту сказку, по-наивности думали, что Красная Шапочка понесла бабушке полную корзину пирожков, да ещё с повидлом, а тут фигурировала всего одна галетка. Но микроскопический гостинец передавать было стыдно, поэтому мама добавила к нему ещё малюсенький горшочек (пёти по) масла. Хотя признаемся честно, в наше время бабушкам и дедушкам и такие гостинцы перепадают редко. И вот Красная Шапочка идёт по лесу, песенки напевает, цветочки рвёт, а тут, р-раз… видит под деревом волк лежит. Он сразу хотел её съесть, но побоялся дровосеков, которые неподалёку стучали топорами. Тогда, выведав у наивной девочки, куда та идёт, и, сообразив, что в скором времени сможет и бабушкой полакомиться и внучкой на десерт закусить, он решил её обмануть. Серый разбойник показал Красной Шапочке длинную дорогу, а сам рванул по короткой… Постойте, что-то тут не сходится, давайте поразмышляем вместе. Если волк сумел обмануть девочку и показать ей длинную дорогу, значит она ещё ни разу не была у своей бабушки и не знала, как к ней добраться. Выходит, престарелая бабушка сама к ним ходила, раз сумела подарить внучке красный капюшон, и только теперь по болезни не смогла этого сделать. Хороши родственнички, нечего сказать. И Шапочкина мама туда же, отправила маленькую дочку в лес, прекрасно зная, что та не найдёт дорогу. (Разве что у волка спросит). Но вернёмся к тексту. Пока девочка блуждала по лесу, серый хитрюга первым оказался у дверей бабушкиной избушки. Сделав голосок потоньше, он прикинулся внучкой, к тому же, бабушка и так плохо слышала, и, открыв двери, ворвался в избушку. Слопал он бабушку в один присест. Потом залез под одеяло и стал дожидаться прихода внучки. Дальше мы знаем, как развивались события: — Почему у тебя такие большие уши, – спрашивала Красная Шапочка бабушку, – почему нос такой длинный, почему руки волосатые и глаза блестят… И как только девочка дошла в своих сомнениях до зубов, волк не вытерпел, выскочил из-под одеяла и… съел назойливую приставалу тоже в один присест. На этом месте страница заканчивалась, Петрович перевернул её… но на следующей ничего не обнаружил. Продолжения не было, там уже начиналась новая сказка. Сказать, что Петрович расстроился, это ничего не сказать. Никакие дровосеки, как он ожидал, не прибежали, не разрезали острыми топорами волку живот, и не

выпустили на свет живую бабушку вместе с внучкой. Но ведь это надо было сделать, это же сказка для детей. В адаптированном варианте у Ильи Франка волк вообще никого не ел. Там он бабушку связал, заткнул ей кляпом рот и сунул в кофр (в сундук по-нашему), а Красную Шапочку даже укусить не успел. Подоспевшие лесорубы в адаптированной сказке тоже вели себя достойно: бабушку достали из кофра живой и здоровой, задохнуться она не успела, потом внучку освободили и, наконец, самого волка убивать не стали. А за что его теперь было убивать, если он никого не съел. Состава преступления нет, вот они и выпустили его на свободу… К следующей неадаптированной сказке Николай Петрович приступал уже с большой опаской. Называлась она красиво, Сандрийон, Золушкой по-нашему и начиналась она так. Жил-был однажды один милый господин (жантийом), в переводе на русский – это значит дворянин, и вот женился этот жантийом во второй раз. Петрович уже догадывался, что от этого брака милому господину ничего хорошего не выйдет. И точно, мало того, что у его новой жены оказался скверный характер, так ещё и её обе дочери оказались не лучше. Яблоки от яблони, как говорится, недалеко падают. Втроём они сразу взяли в оборот родную дочь «милого господина», да так, что той небо с овчинку показалось. Работать они её заставляли с утра до вечера, а отдыхать позволяли только сидя у камина возле золы. Переодеваться они ей запретили, она вымазалась вся, вот сводные сёстры (по-французски «бэлль сёр», как-то уж очень красиво звучит, да и переводится тоже – прекрасные сёстры) и дали ей обидное прозвище – Сандрийон, Золушка по-нашему. — Но какое же оно обидное, – засомневался Петрович, – если звучит так поэтично!? Не долго думая, он полез в словарь, который подарил ему Ирван, и посмотрел, что это слово означает. Там он нашёл объяснение, но лучше бы он его не находил. Французское слово «сандр» имело два значения: одно – зола, о чём Петрович уже догадывался, и другое – пепел. И в словаре пепел стоял на первом месте, в то время, как зола – на втором. И тут Николай Петрович вспомнил строчку из стихотворения «Утренний завтрак» Жака Превера, своего любимого французского поэта. Там говорилось так: «Иль а ми ле сандр дан лё сандрийе», – он стряхнул пепел в пепельницу… и после этого ушёл на улицу под дождь. — Ба-а-а, – сказал сам себе Петрович, – сандрийе – это пепельница, и, если учесть, что во французском языке она мужского рода, то есть «он», что, по сути, справедливо, то в женском роде она будет звучать как «сандрийон». Петрович опешил от такого открытия. Выходило, что по-французски Золушка означает Пепельница, более того, французы всегда об этом знали, и это для них было естественно… — Так вот почему прозвище получилось обидным, – вздохнул он с горечью, – тогда понятно, почему сводные «бэлль» сёстры её так прозвали. Это уже потом наш переводчик, переводя сказку на русский язык и будучи человеком добрым, всё переиначил и исправил. «Это же детская сказка, –

подумал Петрович, – поэтому наш человек не решился обозвать обидным словом бедную девушку и назвал её по-другому, поэтично – Золушка. И «пантуфль» (домашний тапок), который у неё был из стекла (de verre), verre, по-французски – стекло, или стакан, а никак не «cristal – хрусталь», он переименовал в хрустальный. И тут наш переводчик оказался на высоте, превратив обычное стекло в великолепный хрусталь. За это ему от нас огромный респект. А французы, да и другие европейцы, что ж… пусть по-прежнему обзывают нашу Золушку пепельницей, не стесняясь этого. Ведь это их история»… Петрович вздохнул, перевернул ещё несколько страниц и посмотрел оглавление. Оставалось прочитать ещё две неадаптированные сказки. «Интересно, – подумал он, – а если взять наши русские сказки в их первозданном виде, они будут такими же? А если взять немецкие, братьев Гримм?». Говорят, что те вообще на ужастики похожи… 31-го марта 2016 г